

ИИСУС ХРИСТОС И ПРОБЛЕМА ЗЛА

А теперь, Агнос, что можно сказать о зле? Христианский апологет должен сдвинуть камни с дороги, ведущей к христианской преданности. Кажется, я уже отодвинул и оставил в кювете некоторые большие камни. Но один огромный камень всё ещё на пути и преграждает нам дорогу, — именно, проблема зла. Мы ещё не можем обойти её. Мы не можем закрыть глаза на неё, потому что логичная религия не состоит из понятия, что человек чему-то верит после того, как закрыл глаза на явную проблему. Логичная религия заключается в том, что человек доверяется тому, что он с открытыми глазами, как можно лучше, видит или не видит.

Наличие зла в некоторой мере свидетельствует против веры христианина, поэтому ему нужно убедительным образом ответить на этот вопрос. Существует та возможность, что наличие зла докажет, что в вере я ошибаюсь. Может так случиться, что мне придётся отказаться от веры, *если* реальность зла с интеллектуальной и нравственной точек зрения оказывается более сильной, чем присутствие Бога. Является ли зло сильным фактором или нет, — это зависит от каждого человека в отдельности. Поэтому я пишу эту главу, как лично от себя. Она отражает мою личную реакцию к проблеме зла.

А. ПРОБЛЕМА СТАНОВИТСЯ ТАЙНОЙ

Нам прежде всего надо убить бумажного дракона неверия, по которому утверждается, что ясным противоречием христианского теизма является проблема зла. Многие современные люди заявляют, что зло делает всю нашу систему бессвязной. В четвёртой главе мы признали, что непоследовательность скорее всего опровергнет мировоззрение, поэтому мы должны ответить на такое обвинение.

Позвольте мне сначала сказать, что я лично очень глубоко ощущаю проблему зла. Как случается со всеми христианами, я также переживаю те моменты, когда хочется сказать: «Разве Бог действительно существует?» Однако, научившись любить Отца Иисуса Христа, наличие зла в истории заставляет меня ставить такой вопрос: «Что побуждает Тебя, милосердный Боже, действовать в нашем мире?»

Тем не менее, когда я с полной холодной и серьёзной логикой смотрю на проблему зла, то никакого противоречия не нахожу в понятии, что вседобрый Бог позволяет злу существовать в Его творении. Те, которые возражают, обычно выдвигают три положения:

- 1) Бог вседобр.

2) Бог всемогущ.

3) Зло существует в Его творении.

Утверждается, что все три заявления одновременно не могут быть правдивыми. Они не совместимы друг с другом. Ввиду того, что христианин принимает все их одновременно, то он непоследователен.

На это я отвечаю так: *вполне возможно* этим трём заявлениям быть одновременно правдивыми. В них нет ничего, что по значению сделало бы их несовместимыми друг с другом. Можно согласовать божественные цели с наличием зла различными путями, каждый из которых вероятен, т. е. последователен по внешнему содержанию. Если Бог разрешает зло, то наверно это для хорошей причины, неизвестной нам. То, что мы не знаем этой причины, с психологической и философской точек зрения, — интересное явление, но вряд ли это составляет собой противоречие.

Агнос, мы вернулись к началу. В начале этой книги мы показали, что догматическим атеизмом может быть только всезнающее существо. Мы тут же также замечаем, что только особа, знающая всё обо всём, может сказать, что зло является смертельным противоречием для христианства. Чтобы человеку сказать, что зло «уничтожает Бога», то ему нужно было бы знать, что неверны все попытки совместить наличие зла с божественными целями. Нужно было бы доказать, что «Бог ни в коем случае не допускал бы страдания», или, что «Бог сотворил бы только благословенных людей». Готовы ли Вы это доказать?

Мне не нужно иметь сложную теорию о происхождении зла для того, чтобы быть убеждённым в том, что последовательным мировоззрением является теизм. В отношении математики у нас есть надёжные утверждения, подтверждающие понятие, что определённой цифрой является число π , хотя этой цифры мы не знаем. Подобно тому, в богословии вполне вероятным оказывается то, что Бог оправдан в разрешении наличия зла, хотя причина для этого нам неизвестна. (На самом деле, меня удивило бы, если бы богословы действительно знали все цели Бога в отношении Его дел.)

Мы до этого всего лишь передвинули зло с положения противоречия или проблемы к положению тайны или загадки. Когда дело касается проблемы, мы разрешаем и забываем о ней; когда дело касается тайны, мы учимся, как жить с ней.

Б. ОБМАН ГЕДОНИЗМА

Вы никогда не научитесь, как жить со злом, если позволяете себе быть отвлечёнными кричающим голосом гедонизма. Всякое мировоззрение, определяющее добро как наслаждение, постоянно оценивает наш страдающий мир, как плохое явление. Если мы начнём оценивать качество жизни согласно метафизическому определению бездельника, если мы предположим, что наше существование должно быть подобно пребыванию на вечном пикнике, то никогда не разрешим проблему зла. В разрешении этой проблемы гедонизм должен занять второе место.

Некоторые говорят: «Если бы Бог действительно любил нас, то никогда не допускал бы страдания». Но как только ставишь вместе Бога и наши личные желания, то возникает проблема сосуществования двух конечных целей: «Никто не может служить двум господам» (Матф. 6:24). Две конечные цели не синтезируются; одна, в конечном счёте, станет господствовать над другой; одна должна поддаться другой. Так как человек не является всеведущим и полностью не понимает цель страдания, то, кажется, вполне разумно

подчинить дело наслаждения Божьему руководству.¹

Я знаю, что это может не совпадать с Вашим психологическим расположением, Агнос, так как современный дух секуляризации и гедонизма более или менее обманывает всех нас. Однако я настаиваю, что всякая разумная дискуссия о зле начинается с подчинения нашего понятия наслаждения Божьему контролю. Когда Вы говорите, что «Бог создал бы мир без страдания», то Вы не учитываете того, что, кроме счастья, есть и другие ценности, как свобода, творчество, развитие личности, борьба за моральные принципы, достижение целей, — качества, которых мы достигаем путём конфликтов и неудовлетворённостей. Любой учитель знает, что надо создать положение сопротивления для того, чтобы побудить ученика самому искать ответы. Знание, приобретённое большими трудами, всегда более ценится, чем переданное знание.

Если бы настоящее счастье состояло из нескончаемого течения приятных чувств и ощущений, то я считаю, что за недолгое время оно стало бы одним из самых утомительных положений, отвратительным однообразием. Заметили ли Вы, что в некоторых случаях те люди, которые жалуются о наличии зла в жизни, также жалуются о том, что жизнь в небесных обителях будет слишком однообразной? Не показывает ли это, что глубоко в душе никто из нас в действительности не верит тому, что наша жизнь подобна пребыванию на вечном пикнике?

Проблема зла напоминает нам проблему чудес. Чудеса материалисту не нравятся по той причине, что они являются исключениями из естественного закона; они нарушают однообразие. Гедонист не любит страдания по той причине, что оно нарушает постоянное наслаждение. Деист утверждает, что Бог Своего закона не нарушает; гедонист утверждает, что Бог зла не допускал бы. Все они, — деист, материалист, гедонист, — ошибаются, потому что их взгляды слишком узки. В заявлениях этих трёх типов утверждается, что нам известны все намерения Бога о том, что Он будет делать, когда на самом деле никто не может сказать, что Он намерен сделать, кроме того, кто пользуется всезнанием. Мы можем только выразить, как нам хочется, чтобы Бог действовал.

Есть доля правды в гедонизме: он остерегает нас от мазохизма. Гедонизм служит доказательством того, что если страдание допускается Богом, то оно должно быть средством для чего-то другого, не только онтологической реальностью. Страдание должно быть *средством* к добру, назначенному Богом, а не ведущему только к прекращению существования. С атеистом я согласен, что бесцельное страдание — это зло. Рождающая женщина забудет переносимые ею боли после того, как родится ребёнок. Но всякая разумная женщина не пожелает, чтобы боли продолжались без определённой цели.

В. ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ НА ВОПРОС ГРЕХА

В истории человек проявлял разные реакции на проблему греха, начиная с мрачного пессимизма до целиком несерьёзного оптимизма. Как обычно случается, мы увидим, что *золотая середина* приводит нас ближе всего к истине.

1. Недавно вышедшая книга, *The God I Want* (Бог, Которого желаю), (London: Hodder and Toughton, 1967), служит интересным примером того, как индивидуальное эго и развлечение становятся окончательным принципом жизни. Не мог бы Бог без особого труда написать книгу под заглавием «Человек, которого желаю»? А, ведь, не сделал ли Он это в Писании?

1) Пессимизм является реакцией тех людей, которые считают, что зло настолько преобладает, что в нём заключается само бытие. Действительность нелогична. Плохие явления жизни далеко перевешивают приятные явления. Наша жизнь — это самое худшее из всех возможностей. Примеры такого пессимизма мы находим в Артуре Шопенгауэре на Западе и в Будде на Востоке. Согласно этому взгляду утверждается, что действительность столь абсурдна, что нам нужно делать всякие попытки погрузиться в *нирвану*.

Такой пессимизм всё-же редко встречается. Он как-то идёт против здравого рассудка. Мы инстинктивно считаем нормативным принцип, что добро преобладает, когда зло оказывается исключением. Большинство из нас рады тому, что мы живы; самоубийство — довольно редкое явление; люди в тяжёлом болезненном состоянии борются за жизнь; те, кто в преклонных годах, не просят, чтобы их убили; в гетто не раз услышишь смех. Инстинктивное чувство о необходимости держаться за жизнь — вот основное для нас религиозное чувство. Мы действительно желаем верить тому, что «наше существование — явление приятное».

2) Материализм не разрешает проблему зла. С логической точки зрения эта проблема, на самом деле, не должна беспокоить материалиста. Если реальность в своей совокупности составлена из природы, и если природа не является личной и аксиологичной подлинностью, то наличие зла в природе не должно беспокоить последовательного материалиста. Ему только приходится отметить зло и добро, как безличные данные, но объяснять их не надо. Широко распространённое в творении страдание, быть может, озадачивает тебя, как человека, но не заставляет тебя, как материалиста, определённо объяснять зло. Можешь только сказать, что все явления и происшествия, — приятные и неприятные, — вызваны слепым механизмом, создавшим Вселенную.

Кстати, по этой причине среди древних греков мы не находим подробного объяснения зла. Если кто может представить теологическое объяснение зла, ссылаясь только на Зевса и его семью, то проблема зла, по всей вероятности, не беспокоит такого человека. Эта проблема совсем не возникает, кроме того только, когда человек верит во всеоборного, всемогущего Бога. Первое в истории зрелое объяснение зла, — и здесь я имею в виду книгу Иова, — появилось среди иудеев, для которых Бог совершен в силе и нравственности.

Всё это ведёт к определённой неясности: если современный мир столь нерелигиозен, то зачем эта широко распространённая озабоченность о проблеме зла? Почему светские люди требуют от нас, христиан, какого-то объяснения? Разве глубоко в душе люди как-то предпочитают теизм (и оптимизм) и желают, чтобы он оказался правдивым? Если материализм правдив, то меня удивляет одно: зачем это животное, — человек, — столь озабочено о зле?

Следующие реакции на зло — религиозного характера.

3) Согласно строгому взгляду, проблема зла объясняется утверждением, что всякая неприятность и страдание является справедливым наказанием за грех. Друзья Иова как раз использовали эту теорию во время его страдания. Они пришли к выводу, что его грех видимо был таким ужасным, что это вызвало у него катастрофическое страдание. Когда Иов запротестовал, утверждая, что он ничего плохого не делал, чтобы заслужить такие переживания, то его друг, Елифаз, стал упрекать его за большую гордость:

«Что знаешь ты, чего бы не знали мы?

что разумеешь ты, чего не было бы и у нас?
И седовласый и старец есть между нами,
днями превышающий отца твоего.
Разве малость для тебя утешения Божии?
Это неизвестно тебе?» (Иов. 15:9-11).

Гордыми, на самом деле, были друзья Иова; они наивно предположили, что если бы среди них присутствовал Бог, то говорил бы то, что они выражали Иову. В истории уже было немало мыслителей, которые считали, что они представляют Бога, когда комментируют зло. Иисус Христос полностью отрицал теорию, что страдание всегда вызывается злом (Лук. 13:1-5; Иоан. 9:1-3).

Но Вы спрашиваете: разве Библия не учит, что грех имеет своим результатом страдание? Да, так она учит, но это не значит, что всякое страдание вызвано грехом. Предложение, что «если согрешишь, то пострадаешь» отличается от предложения, что «если страдаешь, то это значит, что ты согрешил». Переход с первого предложения ко второму выходит неправильным (например, заявление: «если я китаец, то являюсь человеком» не равносильно заявлению: «я человек, поэтому являюсь китайцем»).

4) Согласно пантеизму или монистическому идеализму утверждается, что зло, в сущности, не является проблемой; это всего лишь иллюзия. Такая реакция на зло весьма стара, но современное выражение её мы находим в учении «Христианская наука», согласно которому утверждается, что всякое зло есть «ошибка смертного разума». Если будешь смотреть на все явления «с точки зрения вечности», то зло исчезнет. Это умственная ошибка, субъективное понятие в разуме страдающего, которое исчезает, когда он правильно мыслит об этой проблеме.

Такой ответ на вопрос зла сильно растривает того, кто страдает несправедливо. Что бы мы ни подумали о зле, никак нельзя отрицать его реальность, также как нельзя согласиться с тем, что зло — необходимая часть совершенного мира. Некоторые средневековые богословы утверждали, что ад необходим для того, чтобы бытие могло выявляться во всех возможных вариантах, то есть чтобы всякая форма бытия имела возможность существовать. Для меня это испорченное выражение теологического романтизма. Если есть какая-то цель во зле, то это безусловно не только для того, чтобы предоставить нам какое-то эстетическое разнообразие. Если пантеизм достоверен в представлении зла, то нас опечалило бы исчезновение зла; ведь в таком случае хочется, чтобы оно оставалось на всю вечность ради увеличения разнообразных форм бытия.

Пантеизм в сущности зла не объясняет. Если даже оно является умственной ошибкой, то всё же остаётся фактом, определённым данным. Ничем не помогает нам тот, кто показывает, что зло есть умственное явление; он просто заменяет одно прилагательное другим. Для чего существует умственное зло? Если зло ничто иное, как кошмар, то зачем этот кошмар сбывается? Несмотря на сущность зла, оно всё-таки остаётся фактом, настоящим переживанием, определённым происшествием. Если даже назвать его иллюзией, то оно всё равно остаётся на уровне факта, — т. е. на том уровне, на котором оно прежде и было. Всё ещё нужно объяснять зло на основании нашего мировоззрения, как и нужно побеждать его в контексте нашей духовной жизни.

Я должен признать, что пантеизм правдив хоть в одном пункте: мы никогда полностью не постигнем зла, пока не воспримем его с точки зрения

полного понимания вещей. Зло всегда будет беспокоить агностика и логичного позитивиста, потому что такие мыслители отказываются заниматься метафизикой. Тот, кто отказывается снять шоры позитивизма, и тот, кто отказывается оставить позицию полного эмпиризма, никогда не сможет овладеть проблемой зла. Мы должны оценить зло в свете полной истины, а не только истины, кажущейся нам «самой верной».

5) По учению теистического финитизма предлагается смелый ответ на проблему зла открытым заявлением, что Бог ограничен в силе (но не в доброте), поэтому Он не в состоянии полностью устранить зло из Вселенной. Бывают случаи, когда эта идея выражается в виде всеобъемлющего дуализма, по которому предполагается сосуществование двух вечных, фундаментальных, но одновременно враждебных друг другу принципов во Вселенной, — именно, Бога и зла. Зло иногда олицетворено в виде сатаны, дьявола или врага. Во всяком случае зло находится вне сферы Божьей силы; ему назначено вечно бороться с этой силой.

Приходится уважать такого мыслителя за его мужество полагаться на такую крайнюю гипотезу в попытке разрешить проблему зла. Однако, я считаю, что такой мыслитель попал под влияние ошибочной дилеммы, обсужденной нами в первом разделе этой главы, Он предполагает, что для удовлетворительного объяснения зла приходится отрицать или доброту Бога, или Его силу. По-моему, не надо отрицать ни первое, ни второе, за исключением того, что кто-то объявлял бы себя всезнающим.

Как в случае гедонизма, теистический финитизм неверен по той причине, что он содержит в себе два элементарных принципа. Если зло кажется победительным и вечным в такой мере, как Бог, то можно спросить: на каком основании мы знаем, что Бог, в конце концов, станет великим Победителем? Какое право имеем мы верить тому, что добро, в конечном счёте, выиграет? Зачем тогда соединяться с Богом в борьбе за добро?²

6) Инструментализм — именно в этом-то и заключается ответ преобладающего течения христианства на проблему зла. Согласно этой позиции утверждается, что зло является необходимым явлением, нужным дефектом в мире, который в общем приятен нам. Такое объяснение даёт нам дуализм, хотя этот вид дуализма оказывается относительным и временным. Бог, в конце концов, победит зло. В течение истории Бог пока позволяет и пользуется злом, как инструментом для Своих различных целей. Ввиду того, что мы не всегда видим цель страдания, то чаще всего предполагаем, что разрешение этой проблемы базируется на нашей вере или доверии Богу.

Ключ к пониманию того, как можно разрешить проблему зла, находится в самой сути человеческой свободы. Христиане считают, что Бог *позволил* злу существовать в творении, потому что только таким образом Он мог сотворить моральное существо, подобное Ему.³ Реальность морального

2. Смотрите замечательную критику теистического финитизма в книге Gordon Clark, *Christian View of Men and Things*, глава 6-ая.

3. Неверующие иногда развлекают себя такими вопросами как: «Мог ли бы Бог создать две горы без долины между ними?» или «Сделал ли бы Бог камень, которого не мог бы поднять?» или «Придумал бы ли Бог то, чего не мог бы исполнить?». Такие вопросы, быть может, беспокоят простоумных, но они не имеют никакого настоящего значения, потому что противоречивы. Строго говоря, таких вопросов не существует. Они подобны вопросу: мог ли бы Бог...? Если вопрос выходит противоречивым, то его незаполненная часть как раз и остаётся без содержания, потому

мира требует наличия морального порядка вещей, в котором моральные принципы могут быть нарушены. Если спросить: почему Бог не вмешивается в жизнь каждый раз, когда кто-то решает совершить зло и этим предохранить невинного от повреждения?, — то мы на это отвечаем: Божье вмешательство в таком случае было бы равносильно уничтожению! Если отнять свободу от того, кто решает сделать зло, то этим же и уничтожаешь человеческую волю. Если бы Бог так поступил, то сотворил бы род автоматов, роботов, — но не людей.

Но Вы тут же логично могли бы спросить: почему Бог не создал мир, в котором люди могли бы решать и поступать по своей свободной воле (даже выбирая себе зло) и одновременно никому другому не повредить? Наш ответ: такой мир невозможен. Как мог бы Бог сотворить свободные общественные существа, которые одновременно и общительны и самостоятельны по моральному выбору, но также свободны от всякого незаслуженного ими страдания? Казалось бы, общность и моральная свобода при отсутствии незаслуженного страдания — это невозможность. Если требуешь положения, в котором никто не страдает несправедливо, то приходится стать пессимистом в силу того, что наш мир, на самом деле, таким не является.

Можно подтвердить ответ инструментализма многими примерами, взятыми из повседневной жизни. Тяжелое страдание очень часто укрепляет характер у человека. Почти во всех случаях победы необходима какая-то оппозиция, — отрицательное явление. Знание, приобретённое борьбой, глубже ценится, чем знание, переданное нам без особого труда с нашей стороны. Конкуренция, трудности и страдания закаляли немало выдающихся личностей: Эразма Роттердамского, Людвига Бетховена, Джона Мильтона, Франклина Рузвельта. Если бы жизнь была вечно счастливой, то большинство людей стали бы нетвёрдыми и ленивыми.

Из всех ответов на проблему зла инструментализм выходит самым надёжным. Однако я считаю, что даже и эта теория не даёт целиком удовлетворительного ответа на проблему зла. Люди, кажется, немало страдают без всякой видимой цели. Многие примеры страданий в истории никому особому не помогают. Никак нельзя обвинять человека в злой деятельности, когда происходят землетрясения и возникают торнадо, приливные волны и эпидемические болезни. С этим желанием объяснить зло давайте ещё раз посмотрим на Иисуса Христа.

Г. КАК ИИСУС ХРИСТОС ПОМОГАЕТ НАМ В ПРОБЛЕМЕ ЗЛА

Совершенно естественно Христу помогать нам в проблеме зла: уже до этого Он столько нам помог в понимании Вселенной. Однако даже с Его помощью, как мы увидим, Его разрешение этой проблемы — более духовного, чем интеллектуального характера. С точки зрения истории становится интересным то, что когда люди Запада изъяли Христа из своей теодицеи (т. е. объяснения зла в мире), то результатом было возникновение окончательной тревоги. Когда появился деизм, отрицающий Библию, чудеса, молитву, провидение и искупление, то в результате этого остался рационалистический Бог Тома Пейна и Вольтера, смотрящий в лицо самому грустному виду зла. Бог сотворил мир, позволил греху войти в него и якобы не поднимал и пальца, чтобы сохранить творение от зла!

Поэтому неудивительно то, что Вольтер даже и не думал о возможности

что разум человека ничего осмысленного не видит в таком вопросе. Бог ограничен возможностями. Он противоречивому явлению не содействует. Ведь дело в том, что противоречие не является *вещью*. Строго говоря, противоречие не существует.

разрешения вопроса зла. Неудивительно, что некоторые деисты стали, в конечном счёте, явными агностиками и атеистами. Большинство деистов просто скрывались от ответа на этот вопрос, повторяя устаревшее заявление Лейбница и Попа: «Всё идёт к самому лучшему в этом наилучшем из всех возможных миров». Если деисты оставили бы Иисуса в традиционном разрешении проблемы зла, то вещи не казались бы нам столь плохими.

1) Иисус прежде всего помогает нам в проблеме зла тогда, когда мы замечаем, что Он разделяет с человеком подобное отношение к вопросу боли. Он переживал столько, сколько любой человек переносит, но Он никогда надменно не разглагольствовал на эту тему. Он никогда не говорил о происхождении зла. Он никогда не заявлял, что хорошие люди не будут страдать. Ни ангелов, ни Адама, даже никакую особую личность Он не обвинял в ведении страдания. Он знал, что не всегда страдание совершенствует человеческий характер. Для Него зло было врагом, непрощеным гостем, тайной; мы должны бороться против зла. Он любил Божье творение, но никто никогда не услышал бы из Его уст слова: «Это есть наилучший из всех возможных миров».

Когда Иисус стоял у гроба самого дорогого Ему друга, Лазаря, то Он «восскорбел духом и возмутился» (Иоан. 11:33). Корень глагола несёт значение «фыркнуть», как это делает лошадь. Иисус был так глубоко встревожен смертью друга, что Его ученики увидели это в Его телесных движениях. Самый короткий стих Библии находится в Евангелии от Иоанна 11:35: «Иисус прослезился». В некотором смысле это — самый длинный стих Библии, потому что им показывается, что Иисус, — Бог в человеческой плоти, — ощущал горе, как любой из нас его ощущает, когда теряет дорогого ему человека. «Как Сам Он претерпел, быв искушён, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:18).

2) Иисус помогает нам в проблеме зла тем, что Он сделал Бога участником страдающего творения. Благодаря тому, что Христос пострадал и умер за наши грехи, то мы знаем, что наш Творец позаботился и о нашей боли. Когда деисты изъяли Христа из своего мировоззрения, то они также отодвинули от себя сочувствующего Бога, который страдает вместе с сотворёнными Им существами. У нас нет Бога, сторонящегося нас, как в случае исламского Аллаха, не принимающего никакого личного участия в страдании человека.⁴ Это как-то остаётся тайной, даже для христиан, — именно, что Сам Бог во Христе принял участие в страдании творения. Он является «раненым хирургом», как написал Т. С. Эллиот. Никто лучше не выразил эту мысль о Христе, как Дорота Сеерс:

«Независимо от того, по каким причинам Бог решил создать человека таким, какой он есть, — ограниченным и страдающим, подлежащим печали и смерти, — Он всё-таки оказался таким честным и мужественным, что также проглотил Свою пилюлю. Несмотря на то, как Он играет со Своим творением, Он всё-таки держится Своих правил и играет справедливо. Он ничего не может брать от человека, чего Сам не берёт от Себя. Он Сам пережил всё, что любой человек переживает, начиная с моментов незначительного раздражения, с ущемляющих

4. Смотрите J. N. D. Anderson, *Christianity and Comparative Religion* (London: Tyndale Press, 1970), стр. 84—85.

ограничений тяжёлой работы и недостатка денег и дохода до моментов самой ужасной боли и унижения, поражения, отчаяния и смерти. Когда Он был человеком, то всецело исполнял роль человека. Он родился в нищете и умер в позоре и считал, что всё это Ему стоит».⁵

Человек нуждается не только в спасителе; он нуждается в страдающем спасителе. Он нуждается в капитане, понимающем его, пережившем все обыкновенные человеческие тяжести (Евр. 2:10—18; 4:14—16). Когда мы до излишества отождествляем Иисуса с Богом, то часто обращаемся к Марии, чтобы найти себе какую-нибудь симпатию. По этой причине христианам нельзя забывать и о человеческой стороне Иисуса.

3) Иисус помогает нам в проблеме зла тогда, когда нам становится ясным, что *любовь привела Его к страданию*. Самая этическая в истории Личность умерла смертью, соответствующей уголовнику. Иисус безусловно знает что-то о несправедливости. Не странно ли, Агнос, что Иисус Христос, Который добровольно решил принять крестную смерть, стал самым высоким стандартом морали для человека? Если крестная смерть Христа стала самым лучшим примером самоотверженной любви, то как Его страдание могло бы противоречить любви? Крестная смерть Христа доказала то, что Бог (в лице Христа) искал не самого приятного удовольствия в жизни, а пути к искупительной любви. Гедонистом Бог отнюдь не является.

Эта мысль в сущности приводит нашу книгу к кульминации. Мы начали с рассмотрения того, что в природе есть некоторые знаки существования Бога, но мы пошли ещё дальше и показали, что Бог должен был всецело открыться нам в истории. В конечном счёте, Он это сделал самым ясным образом через Иисуса Христа. Суть природы Бога, — именно, Его любовь и сердце, — была ясно проявлена искупительной смертью Его Сына. После того, как Бог проявил Свою любовь во Христе, то та пятница, когда Он умер, стала называться «Страстной». Даже зло, убившее Иисуса, люди назвали «счастливой виной» подобно тому, как оно называлось в старом римском пасхальном богослужении. Даже греховное действие человека, осуществившее Его смерть, Августин Блаженный посмел назвать: «*O felix culpa*», т. е. «О блаженная вина, заслужившая такого великого Искупителя».

Агнос, тут всё наверно становится слишком sentimentalным для Вас. Может быть, Вам хотелось бы сказать мне: «Прошу Вас не быть таким мелодраматичным». Всё-таки, должен сказать, что никакое другое утверждение, оформленное для выражения христианской истины, так сильно и глубоко не трогает меня лично, как смерть Иисуса Христа. Когда я слышу, как на кресте Он прощает врагов, мне хочется высказать вместе с Иовом: «Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42:6). Такая любовь мне непостижима. Для того чтобы объяснить её, приходится обратиться к Тому, Кто превосходит нас.

Иов увидел Бога в вихре вопросов. Я вижу Бога в смерти Христа. В обоих случаях виден Бог, хотя это не есть интеллектуальное разрешение вопроса о зле. Мне кажется, что это то понимание, которое Бог хочет, чтобы мы имели в этой жизни.

4) Всё же, Бог обещал, что придёт время, когда исчезнет зло (Откр. гл. 21 и 22). Зло встречается только в истории; оно вечно не будет продолжаться.

5. Dorothy Sayers, *Creed or Chaos?* (New York: Harcourt, Brace, and Co., 1949), стр. 4.

Библия ясно говорит нам не о начале зла, а о его судьбе. Злу назначено быть преодолённым при втором пришествии Христа. Через воскресение Христос в принципе дал злу смертельный удар, но Он даст ему окончательный удар тогда, когда снова вернётся на землю.

Но пока нам достаточно Божьей благодати (2 Кор. 12:9). Крестная смерть даёт большинству христиан силу жить и справляться с замешательством, неясностью и тайной зла. Мы надеемся на Бога, что Он открывает нам не более, чем мы готовы принять (1 Кор. 10:13). Когда мы приходим к моменту конечного замешательства, — именно, смерти, — то мы стараемся идти на встречу с ней, не как к стене, но как к двери, ведущей нас к новой высшей, более полной, более истинной истории. Только те, кто увидел Бога во Христе и, хотя бы в некоторой мере, познал Его через страдание, могут смотреть на смерть с таким пониманием. А тех, у кого недостаёт такого знания, наши замечания наверно глубоко обижают.

Ж. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Агнос, я сказал, что Иисус помогает нам в проблеме зла; Он её полностью не разрешает. Самое лучшее разрешение мы находим тем, что учимся, как преодолеть, а не уразуметь зло. Если Вы являетесь крепким рационалистом, который постоянно требует, чтобы всё в Вашем мировоззрении было «ясной и определённой идеей», то я Вам не могу помочь в проблеме зла. Если всё должно быть дедуктивным и эмпирически известным в настоящий момент, то страдание останется для Вас вечной проблемой.

Иисус помогает нам. Да, это верно, но сама проблема зла не отступает от нас. Она остаётся с нами, христианами, как привязанная к ногам цепь с железным шаром, постоянно напоминая нам, что всего в жизни мы не знаем, что вера не является знанием и что надежда не является достижением желаемого. В конечном счёте, нужно прийти к личному выводу о том, уничтожает ли зло Бога или уничтожит ли Бог зло когда-то в будущем.

Позвольте мне напомнить Вам, что все мировоззрения имеют свои трудности. Зло оказывается нашей проблемой. Но проблемы не уничтожают мировоззрения, потому что они находятся во всех философских системах. Зло — это тайна, внутренняя неясность нашей веры, но оно не разрушает нашей системы. Один шатающийся болт не обязательно содействует обвалу целой аппаратуры.

Если Вы выбрали себе материализм, то у Вас остаётся трудность в объяснении наличия добра в безличной неаксиологической Вселенной. Вы не можете объяснить наличие добра путём материалистического детерминизма. Вам нужно решить, какое из двух явлений останется загадкой в Вашей философской системе: добро или зло. Если выберете Бога во Христе, то Он может дать Вам 1) достаточно удовлетворительное объяснение добра, и 2) хотя бы частичное объяснение проблемы зла.